

САД И СТАРИК

Сада в общем-то не было — несколько яблонь, вишен, кустов смородины и крыжовника, грядки, дорожки-межи — разделительные тропки... Обычный садово-огородный расклад участка, живущего коммунально, как и дом.

Но Дом был.

Настоящий, старинный (начала XX или конца XIX века), со скворечником мезонина, со стеклянными фонарями террас на все четыре стороны света.

В этом Доме Старик родился. Ещё до беды войны. Прожил всю-то жизнь, остался верен ему навсегда...

И когда-то, в яростные, хотя и нежные дни своей молодой любви, которая величалась, да и казалась вечной, посадил яблоневый сад. Сад Любви.

Сад вырос. Любовь... Любовь не предала, она покинула его, так как была обречена на разлуку, будто по формуле Цветаевой: «Любовь — это значит лук/Натянутый — лук: разлука». Любовь, обречённая стать разлукой. И памятью...

Дом состарился, как-то посерел и осел. Он... Он тоже состарился — с домом они жили-были и старели вместе.

Много лет назад, словно в другой жизни, был у них с Домом чудный пёс — колли. Ласковый и умный: зря не лаял, цветов-грядок не топтал, птиц не пугал. Пёс прожил свою жизнь быстрее. Но Дом и Сад его не забыли, не забыл и хозяин. Как и раньше, осиротевший старик выходил в Сад и смотрел через соседний участок туда, где жила его Любовь. Особенно легко было это делать сквозь графику ветвей, когда деревья стояли голыми.

Он вспоминал её голос, руки, волосы, глаза... слова. Её, вечно куда-то спешащую, а то вдруг — притихшую, присмирившую даже, в те минуты, когда она слушала его сказки.

Она приходила в память капризной, упрямой, нежной и повинной. Вспоминалось, как щенок, похожий на медвежонка — его подарок — слизывал слезинки и норовил облизать её всю,

с головы до ног. Она была плаксой и неслучайно они вместе с другом-недругом в том дальнем далеке прозвали её Несмеяной. И вправду, она всё печалилась по поводу и без, тревожилась и рвалась куда-то из надёжного берега его рук, как листок с ветки в месяце осеннем — месяце её рождения. В общем, она была невыносимой, но необыкновенной и незаменимой, как все возлюбленные, а может — даже немножко больше.

Сад знал о нём больше всех. Пожалуй, Сад знал всё. Его горе, его слёзы. Отчаяние. Его шаги по самой кромочке бессонной пропасти, по холоду лунной дорожки на воде их реки, которая тихо лежала за самой границей Сада.

Сад утешал, одаривал, гневался — требовал, нет, не забыть, а очнуться, настаивал на порядке — на заботе о себе...

Старик — он тогда ещё совсем Стариком и не звался — был сильным, красивым. И даже в пору беды смог сохранить свою силу, может быть, потому, что у него был Сад.

Сад верно ждал его, когда дела или, позже, нездоровье разлучали их. Сад ждал всегда.

Настал час, когда он вернулся в свой Дом, в свой Сад другим — он пережил любовь, а значит, стал жить другую жизнь, но в том же Саду... Пространство через участок опустело — она покинула дом, хранящий память: звуки голосов и шагов, слова его клятв и её молитв. А на улице, соединяющей их дома, неприкаянной мнимостью оставалась бродить её тень, особенно зримо — в пору крестиков сирени.

Он научился жить без неё. И даже сумел растерять приметы их бывшего — не сберёт то, что хранилось в Доме, где, кроме памяти, живой хозяйкой стала другая.

Но Старик и Сад знали, что она поселилась — спряталась в его сердце. В самой глубокой и тайной глубине, как в очень тёмном и гулком дупле дерева, в его тёмной и тёплой защищённости — маленькая пичуга.

Больше полувека приходили зимы и отлетали вёсны. Сад успел окрепнуть, возмужать и стал потихоньку стареть — отступать, уступать времени. То одна ветвь надломится, то трещинами, морщинами древесной кожи пойдёт яблоневая кора. И всё-таки он был прекрасен — его Сад Любви.

В одну из ночей, звучащих тревожными полутонами темноты, под утро, что подступило туманом к его окну, Старик увидел во сне её, свою любовь. Она возникла так отчётливо, так до боли реально, что Старик, как когда-то, резко поднялся и бросился к двери Дома, и дальше — к калитке Сада, за калитку, на улицу, мимо давно спящего за ненадобой колодца. Он бежал за тенью женщины, легко и быстро уходящей от него. Может быть, спешащей на звук приближающейся к станции электрички? В памяти Старика вдруг застучали когда-то запомнившиеся строки:

Не разлучайся, пока ты жив,

Ни ради горя, ни для игры.

Любовь не стерпит, не отомстив,

Любовь отнимет свои дары.

Он побежал быстрее, задыхаясь, догнал её, тронул за плечо. Женщина обернулась, подняла глаза, и он её узнал.

— Это была, его вечная Любовь?

— Нет. Это была старуха, которой он отдавал яблоки из своего Сада. Ведь их было в урожайные годы так много...

Он не сказал ни слова. И старуха ни о чём не спросила. Старик будто проснулся и медленно пошёл назад. Сад ждал его. Старик молча, как всегда, рассказал Саду свой сон, а Сад молча выслушал и понял Его. Как всегда и как никто.

ВОЛЫНЩИК ВОЛЬНЫЙ НА АРБАТЕ...

Каждый день я иду на свидание. На свидание с Чудом. Творю свой, почти ежедневный, такой намоленный путь на службу в Дом-музей Марины Цветаевой в Борисоглебском переулке Москвы. Дом — воплощённое чудо. Марина Цветаева... Нужно ли чудо объяснять? Кому-то, может быть, и нужно, но не мне... Не нам с вами...

Чудо дня начинается с раздвинутых штор в любое время года — с каким выражением лица проснулся сегодня мой город? Во что принарядился? Смеётся или грустит?

Да, конечно, кофе. Ночные прилетевшие строчки. Взмах руки в окне. Метро. Шаги вместе — в одном направлении, движение, разлучающее, навстречу — эскалатор, и взгляд — вслушивание, объединяющее всех — музыка в метро...

Много лет, много-много моих рабочих лет я встречала в одном и том же уголке вестибюля перед последней лестницей эскалатора, ведущей к выходу, красивого, сильного, молодого человека... без ног. Он никогда не поднимал глаз от книги, которую держал в руках в «крутых» автомобильных перчатках. Благодарил за деньги скупым кивком головы — сдержанно, с достоинством, почти равнодушно... Однажды я положила рядом с бейсболкой для пожертвований книжку стихов. И тогда он поднял глаза... С тех пор мы здоровались. Я заслужила улыбку. Так было несколько лет. Человек менялся, несколько тяжелел, но книга в руках была неизменно.

Потом он исчез. Я надеялась, что набрались-появились деньги на протезы и надобна сидений в метро отпала. Но вдруг я увидела его вновь. Он заметно изменился. Меня не узнал, и это понятно. Взгляд был сквозь идущих, но как-то мягче, добрее что ли. Мой знакомец стал очень грузным, огромным, насколько это возможно для человека без ног от колен. Сидел на своём месте и в руках была книга. Слава Богу.

Я подыскивала слова, готовилась к тому, чтобы подойти и сказать самые важные и нужные нам обоим, но так и не собралась — не успела, он опять исчез...

Выхожу я из так называемого нового здания метро «Арбатская». «Мавританское подворье» благостно приветствует студийцев, уже помаленьку актерствующих в жизни. Их узнаёшь сразу — красиво-оживлённое, может быть, только чуть-чуть сверх меры, но у них эта мера отродясь своя... Понимать же надо. ГИТИС или нынче РАТИ — совсем неподалёку...

Знакомый продавец книг у богатейшего книжного развала. Старушки на коленях... Они периодически меняются. И стоят в разных местах: то просто на ступенях лестницы, ведущей из подземного перехода, то у стены кинотеатра «Художественный», то совсем рядом с выходом из метро, посередине тротуара, и встречные потоки пешеходов омывают этот островок скорби. Я вижу, так как вглядываюсь (сознательно? бессознательно?) в эту коленопреклонённость, сломленность человеческого существа. Задаваясь вопросом не о том, что заставило, а скорее о том, тепло ли одета, что под коленями, руки... Какие руки? Озябшие? Старческие, молодые? Очки. А какие глаза за стёклами очков? Но взгляда ответного не получаю — голова клонится к коленям, покачивание, невнятица бормотанья... Да молодая она! Это иногда бывает совершенно ясно, но сострадания не перечёркивает — что-то ведь заставило вот так, свернувшись улиткой, превратиться в существо вне возраста, стать единым старушечьим горбом, выросшем на площади Арбатских ворот мирового города — Москвы.

Но вот — чудо... Волынщик вольный! Волынщик чудный! Что шарманщик с попугаем — волынщик на московской земле из всех датских-шотландских... русских

сказок, из всех сказок на свете... Прекрасный: серебристая борода, интеллигентские очки, взгляд серьёзно-доброжелательный, как у Деда Мороза, берет французский, что-то мохнатое, подвижное, живое вьётся, поднимаюсь, от ног к рукам. В руках — одна дудочка (ох, простите!), на левом плече — ещё четыре звучащих существа... И — музыка! Какая? Сказочная. Добрая. Густая, как осенний туман. Ничего не понимая, понимаю — волынщик... Каждое утро радовалась встрече, на неё надеялась. Решилась — рванулась — подошла, заговорила. Призналась в любви. Попросила разрешения сфотографировать. Сказала, что написался о нём арбатский стишок. Познакомились. Узнала про сайт: по-настоящему информативный, достойный любящего профессионала. Конечно, вы и сами можете на него зайти — bagpipe.ru — и прочитать всё-всё, я лишь — выборочно.

«О себе.

Здравствуйте! Меня зовут Павел Дмитриевич Степанов. Я занимаюсь созданием народных духовых инструментов в своей мастерской. На текущий момент основным инструментом моей деятельности является волынка. Так же владею изготовлением такого инструмента как "Владимирский рожок"...

Миссия.

К изготовлению волынки меня подтолкнула сама жизнь. В 1980 г. Государственный русский народный оркестр имени Н. П. Осипова находился на гастролях в Болгарии. В то время я работал в оркестре в качестве музыканта-баяниста. В одном из южных городов Болгарии у оркестра Осипова состоялась творческая встреча с Государственным хором Болгарии. На этой встрече произошло для меня музыкальное открытие, женские голоса хора исполняли духовные песнопения под волынку. Именно с того времени мысль об этом инструменте уже не покидала меня...»

В один из дней после знакомства я подошла к Павлу Дмитриевичу, чтобы поприветствовать и сказать, что хочу написать о нём, а он мне: «Займитесь этим!» Я: «Чем?» А он: «Да пропагандой волшебного инструмента! Он же наш, русский. Под него хоро- воды водили! Его даже коровы понимают, а их не проведёшь... Уж это потом — датские гармошки...»

К сожалению, я могу написать только слова благодарного восхищения, а для «пропаганды» волынки сослаться на сайт Павла Дмитриевича, из множества информативных разделов которого мне хотелось бы и показалось насущным процитировать этот: «Волынка единый многонациональный инструмент всех народов мира. Волынка — это музыкальный инструмент, состоящий из игровой пастушьей и бурдонных дудок и мешка с ддувной трубкой, был создан человеком ещё до новой эры. Основным предназначением волынки в главном было её применение аккомпанементом к народным танцам. Например, в Этрруском государстве 8 веков до новой эры волынка уже была и об этом сказано в древних книгах. В русских княжествах в новой эре русская волынка тоже была, и под неё водили хороводы с песнями. Но в 19 веке русская волынка была заменена немецкой гармошкой и калмыцкой балалайкой, которые в дальнейшем русский и советский народ стал называть русскими народными инструментами.

Сегодня, благодаря развитой шотландской волынки в мире, мне удалось вместе с генерал-лейтенантом, главным военным дирижёром России и руководителем Краснознамённого хора им. Александрова В. М. Халиловым создать семейство современных русских народных волынок: сопрано, альт, тенор и бас. Несмотря на трагическую гибель В. М. Халилова в авиакатастрофе под городом Сочи в 2016 году, я стараюсь в память о нем не бросать начатое им дело...

В 1547 году первый русский царь Иван Васильевич Грозный создал первый русский народный духовой оркестр из подлинно русских народных духовых инструментов: русские волынки, рожки, жалейки и свирели. А ведь это было начало начал всей духовой музыки России...»

Духовая музыка. Духовые инструменты. Дух. Душа. Более чем созвучие. Чудо.

Чтобы с ним не разминуться, нужно всего лишь не пройти мимо...

Послушайте! Нас окликает волынка и волшебник — Павел Дмитриевич Степанов — «волынщик вольный на Арбате».

А ведь мы идём по направлению к Дому-музею Марины Цветаевой (пусть и не только к нему, выйдя из «Арбатской!»), поэтому и закончить хочется словами «самого московского из московских поэтов»: «Чудо объясняется только чудом». Видимо, и нам, чтобы дотянуться до чуда, наполнить чудесным жизнь, надо самим быть — стать чудом. Не меньше.

А стишок с волынщиком вольным на Арбате написан такой:

Арбатское

И снова музыка в метро...

Волынщик вольный на Арбате —

берет французский... Мудрено

не позаботиться о «брате» —

и стайка парижан вокруг

клубится, кофе предлагая.

А рядом схимница живая —

улиткой скрученный недуг.

Старуха? Что там под платком?

Колени ластятся к асфальту,

не разогнуться... Что потом,

когда зима побелит смальту?

А вот другая — у стены,

букетик скромный продавая,

стоит, навечно замерзая,

молчит смиренно... Видит сны?

Как я люблю Арбат Москвы,

фарватер Беллы и Марины —

сокрыты тайны их весны

под Поварской, как субмарины...

Храни, арбатская земля,

разлуки, встречи и признанья —

я подышу твоим молчаньем.

Я здесь ещё. И я твоя.

